

“Там пахнет морской нацией”

В дневнике Пушкина есть такая запись за 1833 год: “30 ноября. Вчера бал у Бутурлина (Жомини). Любопытный разговор с Блайем: зачем у вас флот в Балтийском море? Для безопасности Петербурга? Но он защищён Кронштадтом. Игрушка! — Долго ли вам распространяться? (Мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным). Ваше место Азия, там совершите вы достойный подвиг цивилизации... etc”. Граф Д. П. Бутурлин, по прозвищу Жомини, написал “Военную историю походов россиян в XVIII столетии” в 4-х томах, к ней прилагалась карта России. Вот её-то поэт и рассматривал с Дж. Блайем, английским поверенным в делах.

Беседа произошла после заключения договора между Россией и Турцией в Ункяр-Искелеси, по которому российские военные суда получили исключительное право проходить через проливы Босфор и Дарданеллы. Предоставлялось оно России в благодарность за поддержку Турции в войне с её египетским вассалом, по условиям договора Россия могла даже требовать закрывать проливы для других иностранных судов. Не удивительно, что договор вызвал раздражение у самой могущественной морской державы мира и был пересмотрен под давлением Британии в 1841 году, фактически лишив Россию достигнутых ею преимуществ.

Конечно, Пушкину было хорошо известно стремление европейских политиков видеть Россию без морей и, желательно, в границах Московии XVI века. “Распространение” России вызывало опасение и злобу, потому и состоялся “любопытный разговор”, который поэт вёл не с частным лицом, а членом английского посольства. Интересно, что ответил бы английский *поверенный в делах*, если бы поэт задал встречный вопрос: как долго будет распространяться по миру Британская империя? Или Французская? Или США на американском континенте?

Британцы всегда относились высокомерно к чужим флотам, Балтийский флот России они называли “игрушкой императора”. Но после Наваринского сражения (1827) и блокады Дарданелл в 1829 году, подписания договора России и Турции в 1833 году, утверждения России в северо-западной части Америки и открытый русских моряков в кругосветных экспедициях Британия стала ревниво следить за российским флотом. В середине XIX века она начала проявлять усиленный интерес к Дальнему Востоку, Камчатке, Охотскому морю, демонстрируя, что все моря мира считает своими наследственными владениями и не желает мириться с конкуренцией. Выходит, уже и в Азии для России не оставалось места.

В 1830-е годы в петербургских гостиных передавали в разных вариантах разговор императора Николая с английским послом:

— Зачем вам строить такой большой флот, Ваше Величество? — спросил англичанин в Кронштадте.

— А вот именно затем, чтобы вы уже больше не осмеливались задавать мне подобные вопросы, — ответил император.

На Чёрном море игрушки не делали, и британцы почувствовали это раньше других. В 1841 году Севастополь посетил главный кораблестроитель английского флота В. Саймондс, он осмотрел все военные корабли молча, покусывая губы. И сообщил свой вердикт в Лондон: “Там пахнет морской нацией, чего на Балтике я не заметил, и ежели правительство поддержит, то морская часть в Чёрном море в скором времени очень усилится¹”.

Мнение, высказанное специалистом, убедило британское правительство в существовании ещё одной морской державы, флот которой способен приносить пользу своему Отечеству. И потому целью вступления Британии в войну было, в первую очередь, ослабление России, уничтожение русского флота и его главной базы на юге — Севастополя.

Парус или винт?

В августе 1853 года в Севастополе только и говорили, что о смотре английского флота в Портсмуте. Капитан-лейтенант И. Шестаков, который был в Англии в командировке, описал учебное сражение на Спитхедском рейде. Противник в нём назывался “русские” и был представлен одними парусными кораблями. Английский флот представляли 20 парусных кораблей со 130-ю пушками на борту. Происходило сражение так: парусы выстроились в линию длиной в четыре версты и шли “ветер в зубы”, затем развернулись — за 12 минут! — и атаковали неприятеля. Сражение длилось 10 минут, “русские” были разбиты, и, как писал Шестаков, “приговор парусным кораблям был подписан и скреплён”.

Вряд ли англичанам в реальности удалось бы так легко расправиться с русским флотом. Но то, что приговор парусным кораблям уже вынесен, в этом Шестаков не ошибался.

Парусы в России появились за 40 лет до Крымской войны. В 1815 году парусник “Елизавета” мощностью в 16 л. с. уже трудился, попыхая трубой, между Петербургом и Кронштадтом. В 1817 году на Урале построили первые колёсные парусники и машины к ним, на Ижорском заводе — парусник “Скорый” мощностью в 30 л. с., в 1825 году — “Проворный”, машина которого имела уже 80 л. с. Колёсные парусные суда предназначались в основном для речного судоходства, для бурных морских погод они мало годились. И самое главное — парусники не могли заменить парусных кораблей, поскольку несли незначительное число пушек, и в середине XIX века основным типом корабля во всех флотах по-прежнему оставался линейный корабль.

В 1820-е годы на Чёрном море трудились парусники “Везувий” и “Метеор”, в основном, они перевозили почту, грузы в портах, буксировали в штиль суда, то есть играли вспомогательную роль. Первый военный парусник появился в России в 1832 году, на него установили усовершенствованную машину, созданную русскими техниками-новаторами, для сравнения: такие машины без балансира появятся в Англии только в конце 30-х годов. Назывался военный парусник “Геркулес” и курсировал в Балтийском море, это на нём Нахимов отправился на лечение в Германию. Имелся и колёсный парусник “Богатырь” с 28 пушками на борту, мощностью 240 л. с., построенный на Ижорском заводе, и винтовой, названный “Архимед”².

Первые опыты по строительству военных винтовых кораблей начались во Франции и Англии всего за 10 лет до начала Восточной войны. В 1844 году в Англии был построен военный парусник “Ратлер”, на котором испытывали винты разных систем, опыты оказались удачными. Во Франции в 1852 году был спущен на воду трёхпалубный корабль “Наполеон”, имевший 90 орудий на борту. По виду это был обычный трёхмачтовый парусный корабль, но с одной особенностью: внутри него стоял двигатель мощностью 990 л. с., который приводил в действие гребной винт и обеспечивал скорость в 13 узлов. Между фок-мачтой и грот-мачтой с парусами скрывалась парусная труба, во всем остальном силуэт корабля ничем не отличался от других. Гребной

винт помещался в кормовой части корабля, ниже ватерлинии, и приводился в движение паровой машиной. При попутном ветре винт поднимался, и корабль двигался при помощи парусов. Такой тип корабля назывался винтовой пароходофрегат.

В 1840-е годы во Франции и Англии развернулось строительство заводов, доков, производство оборудования, необходимого для нового винтового флота. Всё это потребовало немалых средств. Морской бюджет Британии, а вслед за ней и Франции увеличился во второй половине 1840-х годов почти вдвое, и не все соглашались с необходимостью подобных трат.

Всю первую половину XIX века среди флотских велась дискуссия о преимуществах и недостатках парусных и винтовых судов, можно сказать, решался вопрос: парус или винт? В Англии, например, долгое время всерьёз опасались, что паровая машина или винт могут помешать управлению парусным кораблем, поскольку они уязвимы для неприятельской артиллерии, и адмиралтейство всячески пыталось препятствовать их применению, чтобы не наносить “удар могуществу империи”.

Спорили по этому поводу и в России, особенно много противников винтовых кораблей появилось после поломки “Архимеда”. Так что небольшое число пароходов в России объяснялось не одним недостатком средств.

“Парус и винт” — так называлась статья, написанная историком флота капитан-лейтенантом А. П. Соколовым³. Он считал преимущества парохода незначительными, зато недостатков видел море: и вместимость их по сравнению с парусными судами невелика, и зависимость от угля постоянна, медлительность при разведении паров делает их непригодными в военных условиях. Повреждение пароходной трубы во время боя и вовсе “приведёт к замешательству”, а уж если механик заболел, запьёт или его убьют — пароход и вовсе встанет. Вывод из этого сравнения очевиден: “весла и парус всегда прочнее и надёжнее искусственных и сложных механизмов”. Можно добавить ещё в этот ряд дороговизну пароходов: построенный в Америке пароход “Камчатка” называли “золотым”, да и ходил он только на американском угле, что ещё больше удорожало его стоимость.

“Морской сборник” не напечатал тогда статью Соколова, возможно, как не отвечающую духу времени (позже, значительно отредактированная, она всё же появилась в журнале). Обиженный автор отправил её Нахимову. Почему именно ему? Да потому, что в Петербурге знали, что Нахимов называл пароходы “самоварами”; может быть, Соколов надеялся найти в герое Синопа единомышленника. Но при всей любви Нахимова к парусным кораблям, он твёрдо знал: будущее за пароходами.

Морской комитет внимательно следил и за дискуссией о преимуществах винтовых кораблей, и за успехами нового флота в Британии и во Франции. Однако строить новые корабли в России на своих верфях пока не могли: доки были малы для паровых судов, не был налажен выпуск собственных машин и механизмов, их заказывали в Англии, там же нанимали и машинистов. С приближением войны заказанные винты были конфискованы английскими властями, а российский флот не мог пополниться даже несколькими винтовыми судами. Как заметил военный историк Зайончковский, “для того, чтобы иметь винтовой флот, России надо было ещё несколько лет кипучей деятельности и затрат многих миллионов”⁴. Не лишним будет отметить, что Николай I был сторонником постройки паровых судов и денег на их покупку не жалел.

В марте 1854 года Нахимову было чем заняться в Севастополе, однако он нашёл время, чтобы прочитать написанное Соколовым. “Соколова записку прочёл. Мне кажется, это самохвальство, к тому же он далеко не хорошо знаком с пароходством, если пишет, что пробитая труба может остановить действие парохода и пр...”⁵. Не нашёл автор в Нахимове единомышленника, так что миф о Нахимове, не признающем преимуществ паровых и винтовых судов, тает, как дым из пароходной трубы.

Политический ландшафт накануне войны

В начале 1850-х годов вновь обострился восточный вопрос, на сей раз из-за спора о Святых местах. Иерусалимский патриарх Кирилл обратился к турецким властям с просьбой о ремонте купола храма Гроба Господня, и султан издал соответствующий фирман. Вслед за этим последовало возражение

французского посла в Константинополе, посчитавшего права католиков нарушенными. Для подкрепления своих требований Франция отправила к турецкой столице новейший корабль "Charlemagne" с 80-ю пушками на борту. И султан новым фирманом утвердил права католиков.

Отчего во Франции, где главной религией давно был атеизм, вдруг вспыхнул такой интерес к христианским святыням?

Незадолго до этих событий Наполеон III провозгласил себя императором Франции, и для укрепления авторитета ему нужны были не только корона и мантия, но и победы, как его дяде Наполеону I. Лучшего повода взять реванш за 1812 год он не придумал.

В феврале 1853 года Николай I для урегулирования вопроса направил в Константинополь миссию во главе с князем А. С. Меншиковым, её участником был и начальник штаба В. А. Корнилов. Переговоры продолжались почти три месяца, но судьбу их решали вовсе не российский и турецкий представители. Английский посол лорд Ч. Стратфорд-Каннинг, он же виконт Рэдклифф, который стоял за спиной турецких чиновников, делал всё, чтобы разногласия между Турцией и Россией переросли в прямое военное столкновение. Он даже пошёл на подлог документа, вместо слов о праве России "делать представление в пользу церкви Константинополя" в проекте оказались слова "давать приказы" — это меняло и содержание, и тон договора, в такой редакции он стал носить агрессивный и повелительный характер. Сочтя себя оскорблённой, Турция отказалась подписать договор и разорвала отношения с Россией.

Дипломатическая переписка тех лет ясно свидетельствует, что Николай I не стремился к разрешению конфликта военными средствами, и оказался на месте Меншикова более опытным и тонким политик, войны, возможно, избежали бы. Как Франция при помощи своего новейшего корабля надавила на Турцию, так и Николай I отдал 14 июня приказ о введении русских войск в Дунайские княжества Молдавию и Валахию. В Манифесте о начале войны говорилось: "Не завоеваний ищем мы, в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви". Но Турция на попятную не пошла, убедившись в поддержке европейских держав.

Как могла Россия позволить втянуть себя в войну с двумя странами, имевшими столь мощные флот и армию? Во-первых, император не собирался воевать ни с Британией, ни с Францией, и уж тем более с ними обеими. Британию Николай I видел своей союзницей в лечении "хронического больного", как он называл Османскую империю, считая, что *если больной всё же скончается, то Англия вполне удовлетворится Египтом*. В возможность "сердечного согласия" между Британией и Францией, этими вечными противниками, император не хотел верить вплоть до начала боевых действий.

Во-вторых, Николай I ожидал поддержки Австрии, которая должна была быть благодарна России за помощь в событиях 1848-1849 годов, он и предположить не мог, что Австрия выступит против: "Я жестоко наказан за излишнюю доверчивость", — говорил император уже во время войны.

Династия Сардинского королевства мечтала объединить Италию под своей властью, искала покровителей, и таким покровителем ей виделась Франция, которая, в свою очередь, искала союзников в грядущей войне.

В результате России пришлось воевать не с одной Османской империей, как предполагал император, а ещё и с Британией, Францией и Сардинией, да и Австрия вместо поддержки объявила вооружённый нейтралитет, угрожая ударом в спину на Балканах. Получалось, что эту шахматную партию Николай I проиграл ещё до её начала, неверно оценив свои силы. Вот только жертвовали игроки той партии не фигурами, а живыми людьми.

Определённая доля вины в дипломатическом просчёте императора лежит на его посланниках: Ф. И. Бруннов в Лондоне, Н. Д. Киселёв в Париже и П. К. Мейендорф в Вене уверяли, что опасаться вступления в войну Британии, Франции и уж тем более Австрии не стоит, а ловкий угодник К. Нессельроде сообщал императору только то, что тот хотел слышать.

И всё же главная вина лежала на самодержце, поскольку за ним было последнее слово. Как говорят моряки, у командира корабля всегда должно сохраняться чувство опасности. Если он утратит бдительность — корабль может

наскочить на рифы. Вот так и Николай Павлович, упоённый прежними успехами России в Европе и на Ближнем Востоке, усыпленный *слаждкими песнями* посланников, утратил чувство опасности, и огромный российский корабль пошёл на всех парусах прямо на камни.

Война будет происходить сразу на нескольких театрах военных действий: на Балканах, на Кавказе, в Крыму, на морях – Балтийском, Белом, Чёрном – и на Тихом океане одновременно, поэтому правильнее называть ее не Крымской, а Восточной войной.

В поисках неприятеля

Ещё не высохли чернила на рапортах и донесениях о перевозке войск на Кавказ, как эскадру Нахимова вновь отправили в крейсерство. В октябре 1853 года пришли сведения из Константинополя об энергичном приготовлении турок к войне и самое главное – о том, что англо-французский соединённый флот, с июня стоявший в Безикской бухте близ Дарданелл, вошёл в Мраморное море. Таким образом, Лондонская конвенция 1841 года, запрещавшая иностранным военным кораблям проходить через проливы без объявления войны, была нарушена.

5 октября 1853 года Нахимов получил приказ отправиться с эскадрой к турецкому берегу Чёрного моря. Предписывалось крейсировать, держась по возможности на меридиане мыса Тарханкут и параллели 43°. Почему именно там? Если мы посмотрим на карту Чёрного моря, то увидим, что самым узким его местом будет расстояние от Крыма до мыса Керемпе на Анатолийском побережье Турции; параллель 43° делит это расстояние примерно пополам. “Эскадра может подходить к виду берегов, – говорилось в предписании Нахимову, – но не должна без открытия неприязненных действий со стороны турок” начинать военные действия. Главной целью турецкого флота был Кавказ, поэтому Нахимов и должен был сторожить турок, не давая им возможности высадить десант на Кавказском побережье. “Цель посылки эскадры... дабы при ожидаемом разрыве иметь морские силы у берегов Турции, и особенно на сообщении Константинополя с анатолийскими приморскими городами”⁶.

В состав эскадры входили корабли “Ягудиил”, “Храбрый”, “Чесма”, “Императрица Мария”, фрегаты “Коварна”, “Кулевчи”, “Кагул”, два брига – “Эней” и “Язон” и пароход “Бессарабия”; флагманским кораблём Нахимов избрал “Императрицу Марию”. 10 октября Нахимов приказал привести суда в боевую готовность. “При встрече с турецкими военными судами первый неприязненный выстрел должен быть со стороны турок, но то судно или суда, которые на это покусятся, должны быть немедленно уничтожены. В заключение я должен сказать, что, имея таковой отряд под команду, мне не остаётся более желать, как скорейшего разрыва со стороны России с Турциею, и тогда я убеждён, что каждый из нас исполнит свой долг”⁷.

Кроме решительного намерения дать отпор, приказ демонстрирует уверенность командира в своих подчинённых, и это не бравада. Многие годы ушли на выучку эскадры, и теперь были видны плоды длительной и напряжённой работы. Мичман В. Д. Палеолог, служивший на бриге “Язон”, вспоминал, что за три года бриг был в гавани всего два месяца, остальное время крейсировал в Чёрном море. И при этом ни на минуту не ослаблял бдительности: “Как только на горизонте показывалось судно, даже тучка, имеющая форму судна, мы снимались с якоря и летели к ней навстречу... Бриг был готов к бою: в 2^{1/2}–3 минуты ночью, днём в 1^{1/4} и 1^{1/2} минуты по пробитии тревоги мог послать ядро”⁸.

Давно прошли те времена, когда командиры сгорали со стыда, сравнивая время установки парусов на английском и русском кораблях. Теперь не только скорость в установке парусов, но и скорость и меткость стрельбы впечатляли. В походе корабли эскадры Нахимова постоянно проводили в море учебные стрельбы, матросы попеременно занимали места комендоров, заряжающих, словом, всей прислуги, и потому стреляли скоро и метко. “Орудие от прицела до прицела изготавливали в 15–18 секунд. В 3 минуты после тревоги каждое орудие выбрасывало по 5 ядер прицельным выстрелом”. После неоднократной высадки десантов на Черноморское побережье Кавказа опыта у артиллеристов только прибавилось.

Перед походом Нахимов, верный своей привычке заботиться о команде и быть готовым ко всем неожиданностям в море, приказал снабдить суда эскадры всем необходимым для долгого зимнего плавания.

Турки рассчитывали, что в зимний период русские эскадры крейсировать не будут – слишком рискованно из-за непогоды, штормов и боры. Недаром Э. Лайонс, командир корабля “Блонд”, писал в 1829 году адмиралу Гейдену: “Какой великолепный порт Севастополь! Какая красивая, процветающая Одесса и какое адское Чёрное море в это время!”⁹ Это тот самый Э. Лайонс, который в чине вице-адмирала возглавит английский флот во время осады Севастополя. Крейсирование в “адском Чёрном море” в самое опасное время года, тем более на парусных кораблях, ещё раз доказало мастерство русских моряков, которого они сумели добиться за годы руководства флотом Лазаревым, Корниловым и Нахимовым.

О Синопском сражении сохранилось немало воспоминаний моряков, есть среди них и записки мичмана А. Сатина с корабля “Три святителя”¹⁰. Как всякий молодой офицер, он надеялся участвовать в разгроме турецкого флота (а что это будет именно разгром, никто из мичманов не сомневался), но вдруг неожиданно заболел лихорадкой и слёг в госпиталь. “Я чуть не плакал, утешал себя, что зимой ничего не будет, но на душе было скверно... Вдруг вбегаю мой товарищ:

– Вставай, одевайся, турки в море! Через два часа эскадра снимается...

Что было тогда у меня на душе, то знает один Бог. Я нерешительно спросил:

– Доктор, можно?

– Станный вы человек, да вы лучше себя-то спросите, можете ли вы в этом положении, в эту погоду идти в море?

Товарищ мой вступился:

– Слушайте, доктор, вы умный человек, рассудите сами: вылечиться он всегда успеет, а если прозеваает этот случай, жди 25 лет, пока турки опять заведут флот!”

Разве может мичман ждать войны ещё 25 лет? Да за это время вообще воевать перестанут, и ни одного сражения на его долю не останется! Доктор махнул рукой, проворчав: “Ох, мичмана, мичмана, бедный народ!” – и Сатин через полчаса был на корабле.

11 октября эскадра торжественно вышла из Севастополя, жители толпились на всех возвышенностях города, откуда был виден рейд, кричали и махали, провожая моряков. “Жаль, что Айвазовский не видел выхода эскадры в море! – говорили потом в Севастополе. – Он бы запечатлел для потомков этот знаменательный момент!”

В тот самый день, когда эскадра Нахимова покидала Севастополь, турецкими пушками были обстреляны с берега суда Дунайской флотилии. Погиб отрядный командир и шесть нижних чинов, 46 человек было ранено. Одновременно горцы и турецкий отряд напали на форт св. Николая на Кавказе, близ турецкой границы, и захватили его. Собственно, фортом укрепление можно назвать условно – это был таможенный пост, который охранялся казаками и двумя ротами пехоты при двух полевых орудиях¹¹. Атаковали форт, как всегда, ночью, навалились всей массой и вырезали почти всех. Таким образом, первый выстрел, вопреки распространённому мнению, сделала в той войне не Россия, а Турция.

Нахимов был под парусами и не знал о событиях на Дунае, но предупреждал корабли своей эскадры: “Близко к разрыву”. Несколькими раз встречали пароходы под турецким флагом, они останавливались, сблизились на расстояние мили, но, увидев дымящую трубой “Бессарабию”, спешно ретировались. “Душевно жалели мы, что не имеем разрешения обменяться с ним выстрелами”, – сетовали офицеры эскадры. Впрочем, скоро такой случай представился.

14 октября в ясный, почти без ветра день увидели вдалеке турецкий берег, 18 октября Нахимову доставили новый приказ: Корнилов остановил его “благодарное стремление покорить басурман”, потому что император повелевал “быть до времени в оборонительном положении”. Дипломатический маятник качнулся в другую сторону. Хорошо в тёплых кабинетах Парижа, Лондона, Вены и Берлина вести умные разговоры, диктовать, умищая лестью, письма императору в Петербург, а каково крейсировать в штормовом осеннем море, не зная точно – атаковать или обороняться?

Ни Нахимову, ни Корнилову такие колебания были не по душе, но делать было нечего. "... может быть, выстрелы, происшедшие на Дунае... и государь позволит нам доказать Джон-Булю, что мы не забыли своего происхождения от людей, спасших Европу... с удовольствием ожидаю с вами встретиться, и, может, свалить дело вроде Наваринского", — писал Корнилов Нахимову. И даже при таком горячем желании — предостережение об англичанах: "Вам известно, как они решительны, когда дело идёт об истреблении чужих кораблей по одиночке; я всё опасуюсь, что они выскочат из Босфора, чтоб на вас напасть". И подпись: "Душевно преданный Корнилов"¹².

20 октября пароход привёз эскадре свежую провизию и сообщение о событиях на Дунае вместе с новым предписанием: "Разрешить... при встрече с турецкими судами военные разрушать или брать военнопленными, отсылая в Севастополь", купеческие досматривать и отпускать, если на них нет военно-служащих. "...Если ваше превосходительство встретите сильнейшею эскадру вашей, под английским или французским флагом, то надлежит для избежания всякого рода случайностей уклониться в Севастополь..."¹³. Воевать по-прежнему собирались с одними турками, и соотношение сил в случае вступления в войну Англии и Франции оценивали реально.

Пока Нахимов сторожил турецкий флот на юге, Корнилов с группой пароходов "Владимир", "Громоносец", "Одесса", и "Херсонес" проводил рекогносцировку европейского берега Турции вплоть до Босфора. В Бальчике, Варне и Сизополе неприятельских кораблей обнаружено не было. Опросив встретившиеся в море купеческие суда, выяснили, что англо-французская эскадра по-прежнему стоит у выхода из Босфора, а из Константинополя в сторону Трапезунда отправилось три больших турецких парохода с войсками. Корнилов вернулся в Севастополь, приказав Новосильскому со своей эскадрой идти к Нахимову и сообщить ему о турецких пароходах.

22 октября Корнилов отправил Нахимову распоряжение ожидать подхода второй эскадры из Севастополя. "В случае же, что вам удастся предупредить севастопольскую эскадру и застать неприятеля на якоре под его крепостями, блокировать его до соединения, и тогда с Божьей помощью может повториться знакомое вам Наваринское сражение"¹⁴. А где же объявление войны? И как действовать Нахимову в ситуации, которая уж очень стала напоминать положение Кодрингтона в том самом Наваринском сражении?

23 октября Меншиков отправил, наконец, распоряжение Нахимову, его он получит 26 октября: "... турки, переправясь через Дунай... заняли город Калафат, следовательно, войну должно почитать действительно начавшеюся". Теперь можно было, встретив турецкий флот в море, атаковать.

Накануне полученного письма едва не произошло столкновение с турецким пароходом. Дело в том, что турецкие и английские корабли в случае необходимости выходили в море без опознавательных знаков. Такой пароход без флага, у которого на буксире был кливер, задумал проскочить мимо эскадры Нахимова. "Но Павел Степанович не мог хладнокровно смотреть на дерзкое намерение турецкого парохода", — как написал мичман Палеолог, и дал сигнал пароходу "Бессарабия" и фрегату "Кагул" заставить турка поднять национальный флаг. Пароход и фрегат тотчас пошли наперерез турецкому пароходу. Тот отдал буксир, кливер бросился к берегу, а сам пароход продолжал, как ни в чём не бывало, уходить от погони. Пришлось "Бессарабии" сделать два холостых выстрела, а затем послать ещё из кормовой пушки пять ядер для острости. Это "вынудило упрямец поднять флаг... Будь это днём позже, турок дорого бы поплатился за свою дерзость".

28 октября Корнилов отправил Нахимову письмо из Севастополя с пожеланием победы: "Кажется, турки не на шутку озлобились; посылаемую ими флотилию в Батум или Сухум вы расколотите в пух; жаль, что не могу прибавить вам парохода, все починяются". Сам Корнилов отправился искать турецкую эскадру к мысу Калиакра, предупредив Нахимова: "Бояться вызвать англичан и французозов, которые решительно объявили, что будут защищать турок на Чёрном море; того и смотри... придётся нам отсалютовать друг другу". Последняя фраза в письме была зачеркнута, хотя сразиться с англичанами и французами всё равно придётся, хотя и не в море. Заканчивается письмо пожеланием Нахимову победы и надеждой на скорую встречу: "Проберусь к вам на свидание, и тогда расскажем, буде Бог благословит, друг другу, что произошло"¹⁵.

Объявление войны

1 ноября с пароходом получили известие: “Война объявлена, турецкий флот вышел в море, отслужить молебствие и поздравить команду”. Волнение на море было настолько сильное, что Нахимов два дня не мог передать манифест об объявлении войны командирам кораблей, и только 3 ноября издал приказ, который мичманы развезли по судам: “Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам форт Сухум-Кале и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с шестью кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить своё намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров, во втором — с Божию помощью и уверенностью в своих офицерах и командирах я надеюсь с шестью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Уведомляю господ командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает своё дело”¹⁶.

А спустя три дня случилась первая победа на море: пароход “Бессарабия” вступил в бой с неприятелем и через час привёл на буксире приз — двухмачтовый турецкий пароход “Меджари-Теджарет”. Это был первый случай пленения парового судна в истории русского флота. О том, как это произошло, описано в “Историческом журнале” эскадры Нахимова. Командир “Бессарабии” капитан-лейтенант П. Ф. Щёголев увидел на горизонте пароходный дым и решил применить военную хитрость: на пароходе-фрегате поставили все паруса, трубу и кожу замаскировали брезентами. Хитрость удалась, турки поверили, что перед ним русский парусник, и пошли на сближение. Едва дистанция сократилась до пушечного выстрела, как на “Бессарабии” убрали паруса и дали машине полный ход. После первого же залпа “Бессарабии” турецкий пароход спустил гребные суда, на которых бежали капитан, его помощник и оказавшиеся на судне чиновники. Осталась только команда, она спустила флаг, и командир “Бессарабии” приказал прекратить огонь.

Пленённый пароход назвали “Турок”, он уже на следующий день принёс пользу русскому флоту, когда в штиль по очереди с “Бессарабией” буксировал корабли эскадры Нахимова. Так прошли 7 миль к западу. Наконец, задул лёгкий ветерок, им наполнились паруса, и одновременно на эскадре услышали пушечные выстрелы. Адмирал дал сигнал: “Готовиться к бою!”

Вскоре увидели пароход “Владимир”, который буксировал трофей — египетский пароход “Перваз-Бахри”. Так вот откуда доносились выстрелы! Корнилов, который был на “Владимире”, рассказал Нахимову во всех подробностях о трёхчасовой перестрелке между пароходами. Нахимов и сам убедился в жестокости схватки, когда увидел корпус неприятельского парохода: он был весь изрешечён, только одна паровая машина на нём и уцелела. Турки отбивались отважно, сдались, когда у них погиб капитан; на “Владимире” было двое убито и трое ранено.

Для команды парохода это было боевое крещение, а начальник штаба Корнилов “получил полное понятие о сражении пароходов между собою, об особой тактике, которой они должны наблюдать, и о несовершенствах вооружения собственно наших пароходов”¹⁷, — так он отписал в письме к брату. Корнилов знал все достоинства и недостатки наших пароходов, поскольку строились они в доках Англии под его руководством, теперь он увидел их в деле. Турецкий пароход починили и включили в состав Черноморского флота, позже он будет назван “Корнилов”. Командир парохода капитан-лейтенант Г. И. Бутаков был награждён орденом св. Георгия 4-й ст., все офицеры — следующим чином, 8 нижних чинов получили знаки отличия.

В том походе произошло немало событий, связанных с пароходами. Главной проблемой первых паровых судов была их ограниченная автономность: топлива они расходовали много, а возможности пополнить его было мало. Кстати, Лазарев ратовал за использование родного луганского антрацита, который по своим качествам значительно превосходил покупной английский уголь. Вскоре после захвата “Меджари-Теджарета” на нём закончился уголь, и тогда Нахимов принял смелое решение — перегрузить уголь на

бывший турецкий пароход с нашего пароходофрегата прямо в море. 5 ноября подвели “турецкий” пароход к левому борту “Бессарабии” и перегрузили на него 600 пудов угля. Этот был первый в истории случай погрузки угля в открытом море. С именем Нахимова многое связано в истории флота, о чём говорят впервые: и установка мёртвых якорей на Чёрном море, и подъём затонувшего тендера, и перегрузка угля в море. Последним будет только Синопское сражение в истории парусного флота.

Нахимов повторил операцию ещё раз, когда встретил в море турецкое купеческое судно, гружённое английским углем. Шкипер рассказал, что везёт груз из Константинополя в Синоп для немецкой компании. “Имея при отряде только один пароход и крайнюю надобность в угле, — докладывал Нахимов, — я приказал командиру парохода “Бессарабия” взять судно к борту, нагрузить его и потом отпустить его, <...> дать ему квитанцию в получении угля”¹⁸. Если шкипер сказал правду, компания, которой принадлежал уголь, могла предъявить квитанцию к оплате, поэтому Нахимов просил командира Севастопольского порта заплатить за уголь. При этом он не преминул заметить, что указанная шкипером цена закупки на уголь гораздо ниже той, что выставляют флоту в Николаеве и Севастополе.

От того же шкипера Нахимов узнал, что в Синопе на рейде стоят три турецких фрегата, два корвета и транспорт. Тогда Нахимов принял решение: отправиться в Синоп 6 ноября “для осмотра (и, если возможно, — для истребления)” турецкой эскадры. Ещё раньше он получил от командования разрешение отклоняться от курса крейсерования и выбирать маршрут самостоятельно.

Почему эскадра Новосильского ушла вслед за Корниловым в Севастополь, не совсем понятно: или кораблям требовался ремонт, или Севастополь было небезопасно оставлять без должной охраны, но как бы то ни было, эскадра Новосильского ушла, “переменившись некоторыми кораблями с вице-адмиралом Нахимовым”¹⁹.

В ночь с 8 на 9 ноября эскадру Нахимова застиг у Синопа жестокий шторм, почти у всех изорвались паруса, у двух кораблей и фрегата сломало мачты и реи, они сигналили, что в море исправить повреждения не смогут, и отправились в Севастополь. На следующее утро ветер стих, но опустился такой туман, что берега видно не было. Когда 11 ноября туман рассеялся, и стало ясно видно Синоп, Нахимов поднёс к глазам трубу и насчитал на рейде 7 больших турецких фрегатов, 2 корвета, 1 шлюп, 2 больших парохода и 2 транспорта. Не 5, как показал шкипер, а 12 судов выходило: сила одного борта турецкой эскадры составляла 262 орудия. Точное число корабельных орудий Нахимов, тогда, конечно, не знал, мог только примерно подсчитать, определяя класс судов. Пройдя как можно ближе к рейду, Нахимов сделал осмотр всей бухты, насчитали шесть береговых батарей, их оказалось больше, чем было обозначено на карте.

Пока Корнилов бороздил Чёрное море в поисках турецкого флота, его нашёл Нахимов. Какими же силами он располагал? Три 84-пушечных корабля — “Императрица Мария”, “Чесма”, “Ростислав” — и один бриг. И всё. Идти в сражение с целой эскадрой, стоящей на рейде у себя дома, под прикрытием береговых орудий, было безумием.

Лебединая песнь парусного флота

Своё решение он сообщил в рапорте, который отправил в Севастополь 11 ноября на пароходе “Бессарабия”: “Предполагая, что есть какая-нибудь цель у неприятеля, чтоб собрать такой отряд военных судов в Синопе, я полагательно останусь здесь в крейсерстве и буду блокировать до прибытия ко мне двух кораблей, отправленных мною в Севастополь для исправления повреждений. Тогда... я не задумаюсь их атаковать”. К этим двум кораблям Нахимов просил добавить хотя бы один из новых 100-пушечных и “Ягудиил”, к усовершенствованию которого Нахимов приложил руку. И ещё пароходы — “в крейсерстве пароходы необходимы, и без них как без рук”, если не все, то, “по крайней мере, два”. В том же рапорте Нахимов сообщает и разведанные о нахождении английского, французского и турецкого флотов: “Стоят в Босфоре”, — где французский флот делает подряд для снабжения провизией в Чёрном море²⁰. К рапорту прилагался план расположения неприятельских судов в Синопе.

Меншиков отправил 12 ноября эскадру Новосильского из трёх 124-пушечных кораблей — “Константин Великий”, “Париж” и “Три святителя”, — двух фрегатов — 52-пушечного “Кулевчи” и 44-пушечного “Кагула”. Что же касается пароходов, то тут вышла заминка: два чинились в Севастополе, третий не дошёл до Нахимова и тоже поломался. Вслед за эскадрой Меншиков послал Нахимову новое донесение: он сам должен принять решение, как ему действовать в сложившейся обстановке, главное — истребить неприятельские суда в Синопе, если они случайно ускользнут — преследовать и уничтожить в море. Меншиков тоже думал, что цель собранного в Синопе отряда — “напасть на Сухум-Кале и содействовать горцам. Ежели оно удастся ему, и войска, взявшие у нас Николаевскую крепость, одновременно двинутся на Редут-Кале, никем не защищаемое, ожидать должно отпадения Абхазии и всего восточного побережья”.

Вот какова была цена возможной неудачи Нахимова. Он это прекрасно понимал, хотя само предписание Меншикова прочёл уже после сражения. А пока терпеливо выжидал, когда подойдёт эскадра Новосильского, сторожил турецкие корабли, чтобы они не ушли к берегам Абхазии, и готовился к сражению.

Было ли у него искушение атаковать? В характере Нахимова решимость замечательным образом соединялась с трезвым расчётом, первому необдуманному порыву он не поддавался. Он умел ждать. Весь его накопленный к 50-ти годам опыт говорил: военное искусство полководца заключается вовсе не в том, чтобы погибнуть как можно краше, главное — решить поставленную задачу с наименьшими для себя потерями.

Наконец, 16 ноября подошла эскадра Новосильского. Теперь у Нахимова было шесть кораблей и два фрегата, сила одного борта составляла 360 орудий, но береговые батареи Синопа оставались грозной силой. Шесть батарей, защищённых земляными брустверами, и сами по себе могли причинить немалый вред кораблям, но турки ещё оборудовали их специальными печами, в которых калились ядра. Эти ядра пробивали деревянные борта кораблей и вызывали пожар. К тому же, в отличие от корабельной артиллерии, береговые батареи стреляли более точно — на них не было качки, и пушки могли действовать перекрёстным огнём.

В истории найдётся немало примеров, когда флот при поддержке береговой артиллерии, даже уступая в численности, выигрывал сражение. Так, во время Наполеоновских войн, в 1801 году английский адмирал Сумарес с 6 линейными кораблями, фрегатом и люгером атаковал в заливе Альхесирас франко-испанскую эскадру, состоящую из 3 кораблей, фрегата и 7 испанских канонерских лодок. Несколько часов пытались англичане высадить десант на о. Верде, но французов поддерживал огонь двух береговых батарей, и Сумарес, потеряв один корабль, был вынужден уйти к Гибралтару.

Или вот ещё эпизод. В апреле 1849 года, во время войны между Данией и Пруссией за Шлезвинг и Голштинию датские корабли попытались войти в гавань Эккернафёрде, но установленные на берегу прусские батареи взорвали 84-пушечный корабль “Христиан VIII” и заставили спустить флаг фрегат “Гефион”. Недаром артиллерист Наполеон Бонапарт говорил: “Я предпочитаю одну пушку на берегу десяти на борту корабля”.

Нахимов прекрасно знал об этих событиях. Атаковать стоящий на якорях и под прикрытием батарей флот можно было несколькими способами: стреляя в движении, не становясь на якорь, и при помощи брандер. Но оба эти способа не давали значительных результатов. Зато третий способ — подойти к противнику как можно ближе, встать на якоря и открыть огонь — был самым результативным. Но он требовал решительности от командующего и хорошей выучки от команд.

Опыт Наваринского сражения подсказал Нахимову необходимые меры подготовки. В приказе от 3 ноября он советовал командирам после первых прицельных выстрелов, *“когда неприятель и мы покроемся дымом, палить горизонтально, для чего необходимо иметь на пушечных клиньях градусы”*. Далее следовало подробное разъяснение, как их сделать²¹. Следующим наставлением было *“озаботиться иметь на грот-марсе или салинге офицера для наблюдения за движением судов”*, он должен производить корректировку огня, сообщая результаты на шанцы.

Был ещё один момент, создававший сложность для эскадры Нахимова, который необходимо было учесть в предстоящем сражении. 14 ноября Меншиков отправил очередное предписание: “Известно, что французы и англичане обещали Порте в случае нападения нашего на турецкие портовые города и гавани выслать эскадры свои в Чёрное море для защиты оных, почему необходимо стараться избегать действий против городов <...> желательно, чтоб при нападении на турецкие военные суда, стоящие на рейдах, как в настоящее время у Синопа, не было бы, по возможности, нанесено вреда городу”²².

Меншиков понимал сложность и едва ли возможность исполнения подобной инструкции, потому использовал такие обтекаемые выражения: “необходимо стараться”, “по возможности избежать”. Но единственным надёжным способом обезопасить город, было... вовсе не начинать сражение. И как же тогда уничтожить турецкую эскадру, которая прижалась к берегу, и саму береговую артиллерию?

Конечно, позволить туркам зверски вырезать гарнизон форта св. Николая можно было совершенно безнаказанно, иное дело турецкие города! Сразу наберётся немалое число защитников, особенно на страницах газет. Так что Нахимову приходилось учитывать и этот – не столько военный, сколько политический – момент.

Синоп был основан в древности греками, выходцами из Милета, которые для своих торговых поселений всегда выбирали хорошие гавани. У Синопа таких гаваней было даже две, а высокие горы защищали город от северных ветров, потому там и укрылись от шторма турецкие корабли, следовавшие из Константинополя к Черноморскому побережью Кавказа. Со времён античности сохранились в городе остатки крепости с башней, именуемой башней Митридата. В городе проживало примерно 10 тысяч жителей, половину составляли турки. Собственно, им и принадлежал весь город, вытянувшийся вдоль побережья, с базаром, мечетью, расположившимися у бухты верфями, адмиралтейством, складами и казармами. Другая половина населения, в основном греки, ютилась в нескольких кварталах на востоке города рядом с башней. После прихода к Босфору англо-французского флота турки чувствовали себя в Синопе совершенно в безопасности. Координировал действия турецкого флота и занимался боевой подготовкой англичанин Адольфус Слейд. Этот человек был хорошо известен в Севастополе.

Слейд был двумя годами моложе Нахимова, окончил морскую академию в Портсмуте, начинал службу у берегов Южной Америки, затем плавал в Средиземном море, участвовал, как и Нахимов, в Наваринском сражении. Во время русско-турецкой войны 1828-1829 годов перешёл на службу в турецкий флот, вёл разведывательную работу у берегов Севастополя и Одессы на фрегате “Блонд”. Командиром фрегата был тот самый капитан Э. Лайонс, который без карантинного разрешения заходил в бухты Севастополя, это ему и другим “исследователям” адмирал Лазарев советовал посылать пулю, если не в них самих, то хотя бы в их шляпку. В 1840-е годы Слейд вторично обследовал Севастополь и представил в английское министерство подробный отчёт. Оценка возможностей Черноморского флота была не высока, иначе бы в английском министерстве знали о “виртуозах” Лазарева и о том, на что они способны.

Благодаря Слейду и другим агентам, неприятель был хорошо осведомлён о состоянии русского флота. А что знали в России о турецком флоте, с которым собирались воевать? Практически всё.

В военно-морском архиве российского флота хранится интересный документ, составлен он в марте 1853 года В. Корниловым на основании разведанных, собранных им во время пребывания с миссией Меншикова в Константинополе. В проекте анализируется возможность высадить десант на берега Босфора с целью предупредить действия англичан и французов в Чёрном море. В истории этот документ известен как “Босфорский проект”, к числу его создателей ошибочно причисляют и Нахимова²³. Однако доказательств причастности Нахимова к этому проекту найти не удалось, и, признать, некоторая авантюризм плана не соответствует, как нам кажется, характеру и взглядам адмирала Нахимова.

Вторая часть документа известна меньше, она никогда не публиковалась²⁴. В ней подробно описывается состояние турецкого флота, его материальная часть, подготовка команд, вооружение, есть данные о качестве металла

и литье пушек, рангоуте и такелаже, состоянии артиллерийского двора и заготовке сухарей на сухарном заводе. Вообще, надо признаться, умение разведки собирать данные о чужих флотах превосходит все выдумки романистов. В одном из документов, к примеру, сообщалось, из какого количества нитей плетут канаты англичане, из какого – французы, узнали об этом, ловко отрезав куски корабельных канатов.

Итак, что же увидел Корнилов? Турецкий флот в Босфоре и Золотом роге состоял из 10 кораблей, 15 фрегатов, 7 корветов и 7 мелких судов. Именно с этими фрегатами и встретится Нахимов в Синопе. Особенное внимание Корнилова привлекли пароходы, их он насчитал 5, среди них он отметил “Фети-Бахрие” в 450 л. с. с 12 орудиями и пароходофрегат “Таиф” также в 450 л. с. На последнем орудий установлено не было. Оба парохода Корнилов оценил как быстроходные, они легко обгоняли “Бессарабию”. “Команды состоят из молодых людей, – писал Корнилов в отчёте, – на шлюпках гребут хорошо, при тревоге с пушками управляются проворно, хотя видно, что всё внимание у них обращено не на правильность, а на согласованность действий... Офицеры и командиры исключительно турки, кроме англичанина Слейда, капитана английского флота и контр-адмирала турецкого, он также имеет титул мушавер-паши, то есть инструктора; при нём – помощник... для обучения турок собственно морской артиллерии”. Это и был тот самый А. Слейд. Накануне Восточной войны он выполнял обязанности начальника штаба при Осман-паше, командующем турецким флотом. Иностранцев на турецком флоте Корнилов видел мало, в основном среди докторов и машинистов на пароходах.

Вся эта информация была сообщена командирам соединений, Нахимов, конечно же, знал о ней и учитывал её при подготовке своих подчинённых к будущей войне.

17 ноября Нахимов провёл на своём корабле совещание, пригласив второго флагмана Новосильского и всех командиров кораблей. Там он предложил план будущего сражения, который состоял в следующем: атаковать неприятельский флот двумя колоннами; в первую назначались флагманская “Императрица Мария” (капитан 2 ранга П. Барановский), за ней – “Великий князь Константин” (капитан 2 ранга Л. Ергомышев) и “Чесма” (капитан 2 ранга В. Микрюков), вторую колонну должен был вести второй флагманский корабль “Париж” (капитан 1 ранга В. Истомин), за ним – “Три святителя” (капитан 1 ранга К. Кутров) и “Ростислав” (капитан 1 ранга А. Кузнецов).

Фрегаты “Кагул” (капитан-лейтенант А. Спицын) и “Кулевчи” (капитан-лейтенант Л. Будищев) должны были следить за турецкими пароходами, в “случае, если, вступив под пары, они вздумали бы вредить кораблям или предприняли бы бегать из бухты”²⁵. Как ни просил Нахимов прислать пароходы из Севастополя, но к началу сражения они так и не пришли.

Якоря было приказано бросать “как можно ближе к неприятелю”. И отдельное напоминание: “Консульские дома и вообще город предписано щадить, поражая рассчитанным огнём неприятельские суда и батареи”. Для того и чертили градусные сетки, чтобы точно выполнить приказ Нахимова “палить горизонтально”, а не навесным огнём.

В тот же день на всех кораблях зачитали знаменитый приказ Нахимова, который содержал в себе 10 пунктов с самыми точными инструкциями. Их характер – сугубо практический, в целом они повторяли распоряжения Нахимова, за исключением двух пунктов: 4-го – “При атаке иметь осторожность, не палить даром по тем из судов, кои спустят флаги” – и 10-го – “Завязав дело с неприятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульским домам, на коих будут подняты их национальные флаги”. Эти два указания самого гуманного характера показывают, что Нахимов помнил о возможных международных последствиях и старался избежать их.

Но есть в том же 4-м пункте и напоминание о бдительности: “Посылать же для овладения ими (спустившими флаг кораблями. – Н. П.) не иначе, как по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для поражения противящихся судов или батарей, которые, без сомнения, не перестанут палить, если с неприятельскими судами дело и было бы кончено”.

Обращает внимание продуманность в приказе всех, казалось бы, незначительных моментов, но, как известно, в море мелочей не бывает. Завершают приказ такие слова: “В заключение я выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить

командира, знающего своё дело, и потому я представляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания”.

Весь день 17 ноября готовились к сражению. “К вечеру всё было готово. После ужина офицеры остались в кают-компаниях, кто писал письма, кто тихо передавал друг другу свои последние мысли, свои последние желания. Тишина была торжественная. У всех одно слово на уме: “завтра”²⁶.

Утро 18 ноября выдалось обычным для осени, дождливым и хмурым, небо заволочено тучами, такими же невесёлыми и пасмурными были и все предыдущие дни, а вот ветер задул нешуточный, свежий и самый неблагоприятный для атакующей эскадры – юго-восточный. Он упрямо надувал паруса и всё быстрее гнал корабли к турецкому берегу. Казалось бы, что же здесь плохого? Да то беда – случись что с якорем в бою, не удержать корабль, ветер будет сносить к неприятельским судам или под пушки береговой артиллерии. Но погоду не выбирают, действуют в той, которая устанавливается не по земным приказам, а свыше, и рассуждать было не время. Как говорил Нахимов перед Наварином, “но было решено идти”.

“...не имея противника, ударили в дробь”

“В 9 часов пополудни мы спустили гребные суда, а в 9^{1/2} – пошли в Синоп”, – так начиналось славное Синопское сражение. Команды получили обед, иеромонахи отслужили молебен. В 10–45 Нахимов дал сигнал “приготовиться к бою”. Корабли шли, как и было предписано, двумя колоннами, с короткой дистанцией, и быстро приближались к батареям, которые заволочено густым туманом. Пока это было на руку эскадре.

“Корабли, готовые к бою, летели на рейд под национальными флагами на брам-стенгах”. Обратим внимание на этот момент в рапорте Нахимова, к нему мы ещё вернёмся. Примечательна ещё одна деталь, отмеченная в шканечных журналах: “адмирал показал полдень”, то есть дал сигнал о наступлении в 12 часов дня. Казалось бы, к чему? Совсем не тот момент, ведь не в маневрах участвуют, в бой идут. Но психологически такое действие совершенно оправданно. Когда среди матросов и офицеров есть новички, то такая обыденная, даже рутинная процедура показывает командам: всё идёт по плану адмирала, можно и время показать.

В полдень флагманской “Императрице Марии” до Синопа оставалось чуть более 2 миль. Несмотря на серый и дождливый день, в гавани заметили идущую к ней эскадру, в шканечных журналах записано, что к береговым батареям побежали люди из деревни, но эскадра уже успела пройти мимо батарей. “Приблизясь ещё, я увидел, – писал Нахимов, – что семь турецких фрегатов и три корвета расположены были лунообразно под прикрытием четырёх батарей: одной об восьми и трёх о шести орудиях, за боевой линией стояли два военных турецких парохода и два транспорта, а в глубине залива – два турецких купеческих брига и купеческая шхуна под ионическим флагом”.

Две колонны эскадры начали разворачиваться веером. На кораблях уже смачивали и посыпали песком палубы перед боем, опускали сукно над пороховыми камерами, командоры взялись за шнурки ударных замков орудий – все в напряжении, все ждут, – но турки пальбы не начинают. Почему?

Чтобы парусному кораблю встать на якорь, нужно притормозить, гасят скорость, убирая паруса. Вот турки и ждали, когда на русской эскадре раздается команда, и матросы ринутся по вантам наверх. Но Нахимов, чтобы сбечь людей, дал сигнал не убирать паруса, а только взять на гитовы и гордения, то есть подтянуть паруса к реям с палубы. Это было очень рискованно: если корабль не сможет уменьшить скорость, его снесёт к турецкому берегу. Вот поэтому Нахимов так подробно инструктировал командиров перед боем: о том, что нужно бросать лоты – “неприятель может перейти на мелководье”; как должно травить якорные цепи, какой длины заводить канаты, как становиться на шпринг при разных ветрах. Все ситуации предусмотрел адмирал, но выполнить его указания могли только командиры, уверенные в своих экипажах.

Когда корабли эскадры начали занимать свои места, становиться на якоря и разворачиваться бортом к берегу, в этот момент турки открыли огонь. Было 12 часов 20 минут. “Они воображали, что, бросив якоря, мы пошлём

людям по реям убирать паруса, а потому орудия их были наведены по мачтам, и первый залп не причинил нам почти никакого вреда. Потом под нашим огнём и при густом дыме им было трудно взять верный прицел. Этим только и можно объяснить наш сравнительно малый урон. Что было первые пять-десять минут, сказать трудно, — вспоминал мичман Сатин. — Мы стреляли, по нам стреляли. Не только в батареях, но даже с палубы ничего от дыма не было видно”.

Первые выстрелы были направлены преимущественно на флагманский корабль и “Париж”, им досталось более других, “Императрица Мария” была буквально засыпана ядрами и кнпелями. Английские офицеры прекрасно подготовили турецких комендоров, они стреляли настолько метко, что вскоре на флагмане осталась целой только одна ванта. Была перебита большая часть рангоута и стоячего такелажа, сильно пострадала кормовая часть, палубы, галереи, всего после боя насчитали в наружной обшивке 60 пробоин!

Флагман открыл ответный огонь практически одновременно с турками — в 12-28, он *“шёл вперёд, действуя батальным огнём по судам, которые проходил, и отдал якорь против адмиральского фрегата “Ауни-Аллах”*. Полчаса артиллерийской дуэли — столько выдержал турецкий флагман, — после чего с ним было покончено. *“Отклепал цепь и, не спуская флаг, бросился на берег”*, под защиту батареи.

Тогда флагман перенёс огонь на 44-пушечный фрегат “Фазли-Аллах” (“Данный богом”). Этот корабль на Чёрном море хорошо знали. Его сделали мастера Севастопольской верфи, раньше он назывался “Рафаил” и ходил под Андреевским флагом. В 1829 году, во время крейсерства между Трапезундом и Батумом, он встретился в море с турецкой эскадрой из 15 вымпелов. Несмотря на явное несоответствие в силах, офицеры на военном совете приняли решение вступить в бой, однако командир корабля спустил флаг. Это был единственный до Цусимы случай в истории российского флота, когда корабль сдался, находясь под флагом. Турки очень гордились своим трофеем, его показывали всем в Константинополе и старательно берегли.

После нескольких лет плена из команды в 200 человек осталось 70, выживших обменяли. Капитана разжаловали в матросы, а корабль как “недостойный носить флаг Российской” Николай I приказал сжечь, если кому придётся с ним встретиться в море.

Теперь Нахимов исполнил это приказание с особенным удовольствием. Загоревшийся после обстрела корабль бросился по примеру своего флагмана к берегу. *“Засим на корабле, не имея противника, ударили в дробь”*, — так “Императрица Мария” закончила сражение.

Сохранилось несколько рассказов матросов, видевших Нахимова во время боя. Их безыскусное, правдивое и лишённое всякой лести повествование заслуживает того, чтобы познакомиться с ним: “А Нахимов! Вот смелый, ходит себе по юту, да как свистнет ядро, только рукой, значит, поворотит: “Туда тебе и дорога!” — и ходит он по верху, и приказание такое дал: покуда не будет повеления, чтобы паруса не убирали, а на гитовы, значит, взяли”²⁷. — Этот рассказ записали в госпитале, где лежал матрос Антон Майстренко, у которого были обожжены глаза.

А вот другой рассказ, его записал во время обороны Севастополя медик А. Вышеславский: “Я был, ваше благородие, при Павле Степановиче горнистом под Синопом. Жаркое было дело <...> от грома пушек всё тряслось, и ходенем ходило, — пуще, чем здесь. И турки стреляли сначала важно; и нас, и самого адмирала так и обсыпало ядрами да гранатами! А Павел Степанович, как на ученье, строгий такой, всё видит, за всё взывает; держи ухо востро! Иной бы и поробел, да куда! Не смей. А о выстрелах он и не думает, в самом что ни есть огне были. Ничего не слышно, только гул стоит, почитай, ничего и не видно; всё трещит и валится, ядра прыгают... Жарко! Стреляли, стреляли, все стояли на местах, словно на суше на батарее, с места не сошли. Как там было, какие у них маневры пошли, не могу сказать, а видел, что бомба наша зажгла один турецкий корабль. Горит, как свечка, а люди на нём; беготня, суета, а мы им уж и выстрелов не посылаем, — не до того уж им, сердечным, помочи ниоткуда нет. Вот пламя-то видно уж дошло до пороха, как треснет корабль, да и взлетел на воздух, вместе со всеми людьми! Как взглянул я наверх и вижу: брёвна, турки, бочки, пушки... Всё летит на нас, — так и обсыпало адмиральский корабль!.. Возни было с этими гостинцами...”²⁸.

В рапорте Нахимов подробно описал роль каждого корабля своей эскадры в сражении. Вот “Великий князь Константин”, “*приняв правую скулюю град ядер, кнпелей и картечи*”, становится на якорь рядом с флагманом и открывает правым бортом огонь по береговой батарее и по фрегатам “Навек-Бахри” и “Несими-Зефер”. “*Меткими бомбическими выстрелами “Константин” взорвал фрегат “Навек-Бахри” через 20 минут после открытия огня.* Видимо, попадание было точно в крыйт-камеру, потому что взрыв оказался такой силы, что обломками корабля и телами команды засыпало ближайшую береговую батарею № 4, и та на время прекратила огонь. Когда же возобновила своё действие, то была уже заметно ослабленной.

Расправившись с одним фрегатом, “Константин” перенёс огонь на второй и стоявший рядом 24-пушечный корвет “Наджми-Фешан”. В час дня якорная цепь турецкого фрегата была перебитая, и его отнесло ветром на мелководье у греческих кварталов города, вскоре туда же был отброшен и корвет. После чего на “Константине” сыграли “отбой”.

Бомбические пушки – самая неприятная для противника артиллерия. Эти крупные гладкоствольные орудия большого калибра, стрелявшие на расстояния до 2 км, заряжали не только ядрами, но и разрывающимися бомбами. Поэтому попадание в неприятельский корабль вызывало в нём пожар и взрыв. У военных историков есть разные мнения о бомбических пушках, одни считают их очень действенными против деревянных кораблей, другие находят их эффективность сильно преувеличенной. Не углубляясь в эту полемику, заметим: в Синопском сражении бомбические пушки показали себя прекрасно, особенно результативно они действовали против береговых батарей. Почти во всех шканечных журналах есть записи о том, что выстрелами бомбических пушек “береговые укрепления были срыты”. “Париж” под командованием В. Истомина направлял свой огонь по береговой батарее, 22-пушечному корвету “Гюли-Сефид” и 56-пушечному фрегату “Дамиад”. На нижней палубе “Парижа”, как и на “Константине”, были установлены бомбические пушки. Через полчаса обстрела турецкий корвет взлетел на воздух, а фрегат отбросило к берегу. Попало от “Парижа” и флагманскому “Ауни-Аллаху”, который дрейфовал в этот момент рядом с кораблём Истомина. Затем “Париж” перенёс огонь на 64-пушечный фрегат “Низамие”, к двум часам дня на нём были сбиты фок- и бизань-мачты, а фрегат сдрейфовал к берегу. Потравив шпринг, “Париж” принялся за береговую батарею.

“Нельзя было налюбоваться прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля “Париж”, – докладывал Нахимов. Он решил выразить свою благодарность команде и командиру корабля прямо во время боя, да “не на чем было поднять сигнал: все фалы были перебиты”. Европейская пресса после сражения напишет, что на турецких кораблях в Синопе были только что набранные из крестьян матросы, которые ещё и заряжать-то толком не умели. Да уж, хороши в Турции крестьяне, если стреляют так, что на корабле ни одной целой снасти не остаётся! Между прочим, перед Синопским сражением Нахимов приказал кормовые флаги прибить гвоздиками, чтобы перебитые верёвки не означали, что флаг спущен.

У корабля “Три святителя” в начале боя перебило шпринг, и его развернуло кормой к неприятелю. Главная сила парусных линейных кораблей – пушки вдоль бортов, поэтому корабль во время боя поворачивается к неприятелю бортом, на корме и носу артиллерия слабая. В дыму на “Трёх святителях” не сразу заметили перебитый шпринг и сделали несколько “дружественных выстрелов” по стоявшему прямо против них “Парижу”, в результате “Париж” потерял полубаркас, картечью ранило мичмана. Увидев свою оплошность, на “Трёх святителях” немедленно дали команду: “Отбой!” Мичман Сатин побежал передавать команду, и пальба прекратилась. Несмотря на то, что “Три святителя” был под обстрелом турок, команда смогла завести другой шпринг. Приняв прежнее положение, корабль открыл бортовой огонь по 54-пушечному фрегату “Каиди-Зефер” и вскоре вынудил его броситься к берегу.

Корабль “Ростислав” стрелял по стоящему против него корвету и береговым батареям. В этот момент неприятельское калёное ядро попало в корабль, ударило в одно из орудий, разбило палубу и подожгло занавесь, которая ограждала картузы – так назывались мешочки с порохом для картузных орудий. Во время пожара пострадало 40 человек артиллерийской прислуги, они были обожжены и ранены, остатки горячей занавеси попали в люки пороховой

камеры. Корабль ждал неминуемый взрыв. Все, кто находился к скрыт-камере, бросились к дверям, однако мичман Колокольцев не растерялся: запер двери, приказал накрыть люки и начал хладнокровно тушить тлевшие обрывки занавеси. Команда была спасена. Мичман Николай Колокольцев “за особенное присутствие духа и отважность” был представлен Нахимовым к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом.

В шанечных журналах кораблей отмечено, что не прошло и четверти часа после начала сражения, как 20-пушечный пароход “Таиф” вышел из линии турецких судов и, непрерывно меняя курс, то останавливая машину, то снова заводя, стал прорываться за линию русской эскадры. Фрегаты “Кулевчи” и “Кагул” было погнались за ним, но пароход мощностью в 450 лошадиных сил легко ушёл от них, *“обменявшись с фрегатами несколькими залпами”*.

Спустя три часа бой прекратился. Турецкой эскадры из 15 кораблей более не существовало. *“Неприятельские суда, брошенные на берег, были в самом бедственном состоянии, я велел прекратить по ним огонь, хотя они и не спускали флагов, как оказалось, от панического страха, которым были объята экипажи”*, — сообщал Нахимов в рапорте. Когда парламентёр, отправленный в город, проходил мимо этих судов и приказал спустить флаги, их спустили без сопротивления.

Парламентёру не удалось найти в городе начальство, чтобы передать сообщение Нахимова: *“Эскадра пришла для истребления турецких военных судов и не желает вредить городу”*. Турецкое население бежало в горы, греческое спряталось за стенами башни Митридата. Стоявшие в бухте купеческие суда и транспорты затонули, турецкие корабли взрывались один за другим. *“Пожар продолжался во всё время нашего пребывания в Синопе, никто не приходил тушить его, и ветер свободно переносил пламя от одного дома к другому”*. Почти час ждал на берегу парламентёр представителей городской власти — напрасно, никто не появился. Только греки стали толпами сбегаться в гавань и умолять взять их на корабли. *“Поскольку мои инструкции предусматривали только действия против турецких военных судов, я направил этих несчастных к европейским консулам”*, — написал Нахимов.

В 13-30 из-за мыса показался дым: это подходил пароход “Одесса” под командованием адмирала Корнилова, вслед за ним шли “Крым” и “Херсонес”. Увидев “Таиф”, Корнилов дал сигнал *“атаковать неприятеля, поставив его в два огня”* и отправился в погоню. Хотя “Одесса” и попыталась приблизиться к “Таифу” и даже обстреляла его, но силы были слишком не равны. “Крым” и отставший “Херсонес” были старенькими гражданскими пароходами, перевозившими перед войной почту, на них поставили по шесть пушек, и это только замедлило их ход. “Одесса” была военным пароходом, но по скорости и вооружению сильно уступала “Таифу”. *“Погоня за пароходом оказалась неуспешна по значительному преимуществу его хода”*, — докладывал Нахимов. Ещё бы — машина “Одессы” могла развить максимум 8 узлов, тогда как у “Таифа” были все 10. На это Слейд и рассчитывал. Он не собирался вступить в бой с Корниловым, хотя мег: на его борту было 22 пушки и 300 человек экипажа против 6 пушек “Одессы” и 194 человек. Тем не менее, это Корнилов пытался атаковать, а не Слейд! И всё же советнику А. Слейду нельзя отказать в военном опыте: исход сражения стал ему ясен спустя четверть часа после начала. Так “Таиф” остался единственным спасшимся кораблём из турецкой эскадры.

В четвёртом часу, когда сражение было закончено, к Синопу подошли пароходы, и были встречены громовым: “Ура!” Князь В. И. Барятинский, флаг-офицер Корнилова, присутствовал при встрече двух адмиралов: “Мы поднимаемся на корабль, и оба адмирала кидаются в объятия друг другу, мы все тоже поздравляем Нахимова. Он был великолепен: фуражка на затылке, лицо обагрено кровью, новые эполеты, нос — всё красно от крови, матросы и офицеры, большинство которых мои знакомые, все черны от порохового дыма, вообще весь корабль имел крайне боевой вид”²⁹.

Нахимов пригласил Корнилова и Барятинского к себе в каюту пить чай. Но сначала повёл их на балкон адмиральской каюты, откуда был хорошо виден Синоп, рейд и корабли. Смешанные чувства рождались при взгляде на пейзаж после битвы: горящий город, взрывающиеся турецкие корабли, люди, что пытаются спастись вплавь, чёрный ночной небосклон и стаи белых птиц.

“Мы замечаем стаи морских птиц и голубей, выделяющихся на багровом фоне озарённых пожаром облаков. Весь рейд и наши корабли до того ярко освещены пожаром, что наши матросы работали над починкой судов, не нуждаясь в фонарях”. Фотографа на эскадре не было, и Нахимов поручил Барятинскому нарисовать эту величественную картину. “Я говорю, что это выше моих сил, но всё-таки означаю на листе бумаги главные приметные черты вида”. После сражения Меншиков отправил Барятинского с поручением, по дороге он заехал в Феодосию, где передал свои наброски Айвазовскому. По этим эскизам Айвазовский написал три картины, посвящённые Синопскому сражению.

В адмиральской каюте Нахимов угощал гостей чаем, он был “в отличном расположении духа и много говорил о самом сражении и предшествовавших ему событиях”. Барятинский заметил, что пальто Нахимова, висевшее в каюте, было всё “изорвано ядрами”.

В 8 часов вечера пароходы отбуксировали корабли подальше от Синопа. “Ночь была тёмная, и шёл дождь, — записали в шканечных журналах, — но большое зарево пылавшего во многих местах города, а также и пламя от горевших судов освещало горизонт на далёкое расстояние, и Синоп мог служить в эту ночь... маяком”.

Победа в Синопе была одержана, но до Севастополя было ещё так далеко! Значительно быстрее могли добраться до Синопа англичане и французы, и тогда избитым в бою кораблям Нахимова с израсходованным боезапасом пришлось бы несладко.

Всю ночь и весь следующий день команды работали, не покладая рук. Как писал в донесении Меншикову Корнилов, рангоут и такелаж некоторых кораблей были до такой степени изранены и порваны, что “нельзя не удивляться, как на некоторых устояли мачты”. Корнилов уговорил Нахимова перейти на корабль “Великий князь Константин”, который тоже пострадал в бою, но в меньшей степени. Несмотря на большой урон кораблям, ни один из них не затонул. Сам Нахимов впоследствии, когда говорили о Синопе, неизменно замечал: удивляться надо не победе, а тому, с какой быстротой — менее, чем за 36 часов — успели команды восстановить свои корабли. Скромность его была общеизвестна, и потому не приходится удивляться такой сдержанной оценке. Но его боевой друг и начальник штаба Корнилов оценил сражение в самых восторженных словах, когда писал брату: “Нахимов задал нам собственное Наваринское сражение. Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура, Нахимов! М. П. Лазарев радуется своему ученику”..

19 ноября свяшинство отслужило молебен. Потери эскадры составили 38 убитых и 235 раненых, потери неприятеля — более 3000. Пленных свезли с затонувших кораблей, их насчитали до 180 человек, среди них оказался и раненый Осман-паша.

Когда турецкий флагманский корабль, подбитый Нахимовым, медленно погружался в воду, команда, увидев, что командующий ранен в ногу, вытащила у него из кармана ключ от каюты, ограбила, раздела и бросила умирать. 62-летний Осман-паша стоял уже по пояс в воде и собирался принять смерть, как подошла шлюпка с русской эскадры. Пока матросы переносили его, он все повторял: “Яваш, яваш”, — что означало “потихше”. А матросы отвечали: — Знаем, брат, что теперь ты наш.

20 ноября Нахимов отправил в Синоп письмо австрийскому консулу: “Позвольте мне обратиться к вам как к единственному европейскому представителю, флаг которого я вижу развевающимся в городе, чтобы вы известили власти несчастного города Синопа о единственной цели прибытия сюда императорского русского флота. Узнав, что турецкие корабли, которые постоянно направляются к абхазским берегам для возмущения племён, подданных России, укрылись на Синопском рейде, я был доведён до плачевной необходимости сражаться с ними с риском причинить ущерб здешнему городу и порту. Я отношусь с симпатией к печальной судьбе города и его мирных жителей, и только упорная защита вражеских кораблей и, в особенности, огонь батарей вынудили нас применить бомбы в качестве единственного средства поскорее привести их к молчанию. Но наибольший ущерб, причинённый городу, определён вызван горящими обломками турецких кораблей, сожжённых большей частью их собственными экипажами...” И подпись: “Нахимов, вице-адмирал флота Его Величества Императора всея России”.

Сражение прошло в соответствии с планом Нахимова, недаром моряки сравнили его с концертом, “мастерски разыгранным... по смычке Нахимова”³⁰. Прошедшие школу Лазарева “виртуозы” в бою подтверждали своё прозвище и уже сами воспитали талантливых учеников.

Эхо Синопского сражения

Наскоро залатав пробоины, 20 ноября корабли вышли в обратный путь. Их буксировали пароходы, и спустя два дня эскадра прибыла на родной рейд. Севастопольцы высыпали на Графскую пристань, крики “ура!”, восторги, цветы и слёзы радости встречали героев. Об этом торжественном моменте напоминает мемориальная доска на Графской пристани.

Пока корабли стояли в карантине, Нахимов издал три приказа по эскадре. В первом он благодарил всю эскадру и её героев: “Истребление турецкого флота в Синопе... не может не оставить славной страницы в истории Черноморского флота. Изъявляю душевную мою признательность второму флагману как главному моему помощнику, который, идя передовым в своей колонне, так неустрашимо ввёл её в бой, гг. командирам за хладнокровное и точное постановление своих судов по данной диспозиции во время сильно-го неприятельского огня, равно и за непоколебимую их храбрость в продолжение самого дела <...> благодарю команды, которые дрались, как львы”.

Во втором приказе назначал благодарственный молебен, после которого собирался быть лично на судах для поздравления: “С такими подчинёнными я с гордостью встречусь с любым неприятельским европейским флотом”. В третьем отмечал команды пароходов, благодаря которым состоялся “вывод флота из Синопа с повреждённым рангоутом при огромной зыби и ввод его в Севастополь”.

В рапорте Меншикову были представлены к награде 155 офицеров. “Нижним же чинам вообще за истинно русскую храбрость и присутствие духа во время боя, за неутомимую их деятельность во время продолжительного крейсерства до сражения и при исправлении повреждений судов после оного почтительнейше прошу исходатайствовать денежное награждение для всех и знаки Георгия Победоносца...” Примечательны заключительные слова этого рапорта: “Осмеливаюсь присовокупить, что такое ходатайство Вашей Светлости поставляю выше всякой личной мне награды”. Скромность Нахимова была известна, он в рапорте о сражении ничего не сказал о себе. Как заметил хорошо его знавший Э. Тотлебен, “для Павла Степановича его собственное “я” положительно не существовало”.

Конечно, награду Нахимов получил: орден св. Георгия 2-й степени. В рескрипте императора, который с восторгом узнал о Синопе, говорилось: “Истреблением турецкой эскадры при Синопе вы украсили летопись русского флота новою победою, которая навсегда останется памятною в морской истории”.

Когда закончился карантин, и все съехали на берег, Нахимова встретил Рейнеке — его “любезный Мишустя”.

Как Рейнеке оказался в Крыму? В 1853 году он тяжело заболел, врачи стали настаивать на лечении за границей. Но то ли отсутствие средств, то ли память о неудачном лечении Нахимова, а может быть, желание увидиться с другом были причиной того, что вместо Карлсбада Рейнеке оказался в Севастополе. В июне 1853 года он добрался до Николаева и был изумлён увиденным: новые верфи, адмиралтейство, портовые сооружения привели его в восторг. Прожив две недели в Николаеве, Рейнеке отправился в Севастополь к Нахимову. Однако виделись они редко: Нахимов готовился к войне и был поглощён делами эскадры, впрочем, и сам Рейнеке отдыхать не очень-то умел. В Крыму он совмещал лечение со службой и составлял проект управления портовыми сооружениями Севастополя и Николаева, а также по просьбе Корнилова занимался устройством станций метеорологических наблюдений³¹.

В дневнике Рейнеке, который он вёл педантично, день за днём, есть немало подробностей о жизни Нахимова с ноября 1853-го по май 1854 года. Сохранил он и приказы Нахимова, и письма к нему, даже ответы на эти письма занятый Нахимов порой просил сочинить друга.

Генерал-майор Рейнеке, человек эрудированный, руководитель русской гидрографии, член-корреспондент Академии наук, дал высокую оценку Си-

нопскому сражению: “Следствия Синопской битвы весьма важны не по героизму моряков наших, “имевших превосходные силы, но по влиянию на общий ход войны. 1. Турки лишились хотя и небольшой, но лучшей части своего флота с 3000 матросов, назначенного беспокоить наше кавказское побережье и коммерческие порты. Истребление этих судов успокоило Кавказ, Одессу и Феодосию. 2. Нравственная отага турок, возбуждённая первыми их успехами на Дунае и на кавказских границах, должна ослабнуть, а дух наших войск и флота — возвыситься. 3. Англичане и французы должны теперь решить — берут ли они явно сторону турок или отказываются от своего вмешательства”³². Конечно, об этих последствиях они не раз говорили с Нахимовым.

В мемуарной литературе сохранились упоминания о том, что Нахимов мрачнел, когда при нём вспоминали о Синопе. Обычно объясняют это так: после Синопа последовала осада Севастополя, выходит, уничтожением турецкой эскадры Нахимов втянул страну в большую войну.

Но к моменту разгрома турецкой эскадры война шла уже пять месяцев, и не совсем успешно для России. 23 октября на Дунае русские войска отступили с потерями после боя у Ольтенице. Лучше складывалась обстановка на Кавказе, но и там дело при Баяндуре 2 ноября далось тяжело, потери составили 800 человек. Правда, спустя четыре дня 5-тысячный отряд под командованием генерала от кавалерии князя Андроникова при селе Ахалцых разгромил 20-тысячный турецкий корпус Али-паши. И всё же решающих успехов пока не было. И вот случился Синоп.

Лишившись значительной части своего флота и тяжело пережив эту катастрофу, турки не осмеливались более отправляться к побережью Кавказа. В результате сразу взлетели цены на невольничьем рынке. “Черкесские рабы и особенно рабыни для гаремов и публичных домов так вздорожали, что хоть не выходи на базар человеку со скромными средствами, — говорили турки, — прямо не подступиться”. У работорговцев просто руки опустились после победы Нахимова.

Особенно много жалоб английскому послу Стрэтфорду де Рэдклифу поступало от турецкого министра иностранных дел Решид-паши. Его жена владела большим предприятием по покупке молодых женщин, что было известно всем европейским дипломатам в Константинополе, но стыдливо замалчивалось. Французские и английские газеты чаще писали не о турецкой работорговле на Чёрном море, а о необходимости защиты от русских “варваров” турецкой культуры, “богатой, хотя и несколько своеобразной”³³.

О Синопе стало известно в Европе через неделю, и Англия “огласилась воинственным воплем”. Газеты и журналы теперь писали только о России, русском флоте и Синопе, поднимая до небес свои тиражи и увеличивая доходы. Иван Шестаков находился в то время в Лондоне, он читал газеты и лично видел происходящее. “Не завидна была доля русского сердца, бившегося на берегах Темзы; некоторые из наших соотечественников, жившие в то время в Англии, пытались отклонить общее мнение от пагубного заблуждения. Тщетно! Свобода тиснения, английская терпимость, филантропия — всё стало пустым словом. В припадке ярости холодные дотолы британцы отвергали всякое рассуждение, и безумие реяло по торжищам нового Карфагена”³⁴. И благо бы корреспонденты рассказывали прямо и с откровенностью о происшедшем, пусть даже с благородным негодованием, так нет, печать наполнилась ложью и клеветой, очернительством главного виновника события — Нахимова.

Оказывается, он внезапно и вероломно, под английскими флагами, напал на турецкий флот. Как можно напасть “вероломно”, неделю крейсирюя перед Синопом? Осман-паша мог выйти в море и всей силой навалиться на три корабля Нахимова, пока им на помощь не подоспел Новосильский с эскадрой. Что касается чужих флагов, то такие фокусы водились обычно за турецкими судами, во всех шканечных журналах эскадры Нахимова есть записи о поднятии национального флага.

Осман-паша потому-де не мог выйти в море, что силы были неравны: к трём кораблям Нахимова приписали ещё 6 фрегатов, от 6 до 8 малых судов и несколько пароходов, увеличив его огневую мощь в два раза. Однако он всё же не решился, пока не подоспело подкрепление, и уже при трёхкратном превосходстве начал бой. Когда Нахимов отправлял в Севастополь два потрёпанных штормом корабля своей эскадры, то в рапорте Меншикову написал: дождавшись обратно этих или двух других, он “не задумается атаковать”.

Вряд ли стоило сомневаться в этом. Но иди в сражение с 3 кораблями против 12 — только пролить кровь и ничего не добиться, в этом доблести мало.

Ещё одним обвинением Нахимову было сожжение Синопа. Не намеренное — просто русские артиллеристы стреляют так плохо, что их ядра вместо турецких кораблей попадали по городу. Понятно, что в тех статьях нет ни слова о береговых батареях, и совершенно не понятно, отчего же тогда взрывались турецкие корабли, если русские артиллеристы не попадали куда надо?

Итак, Нахимову отказали в личной храбрости, мастерстве полководца и обвинили в вероломстве и неслыханной жестокости. Рейнеке записал в дневнике, что Нахимов огорчился, читая английские и французские газеты, их сообщения ещё и русские издания перепечатывали. Как тут не мрачнеть?

Были и американские газеты. Вот как описала *New-York Daily Tribune* 9 января 1854 года Синопское сражение в передовой статье: “Русские, не желая стоять под парусами у берегов, куда их могло прибить ветром, бросили якоря. Затем последовала четырёхчасовая артиллерийская дуэль между обеими стоявшими на якорях эскадрами, протекавшая без всякого маневрирования на море и напоминавшая скорее артиллерийскую перестрелку на суше. Возможность обойтись без применения морской тактики, без каких-либо маневров была очень на руку русским, чей черноморский флот, судовые команды которого состоят почти исключительно из “пресноводных моряков” (*land lubbers*), особенно из польских евреев, имел бы мало шансов на успех в сражении в открытом море с турецкими судами, располагающими хорошими командами. И тем не менее, русским всё же понадобилось четыре часа, чтобы заставить замолчать слабые корабли своего противника”³⁵.

Статья называлась “Синоп и Ахалцх”, и автором её был тогда совсем не известный журналист, а ныне самый популярный, — если посчитать количество улиц в России, названных его именем, — Фридрих Энгельс. Из-под его пера регулярно выходили статьи о Восточной войне, военная тематика вообще его очень привлекала. Недаром Карл Маркс называл своего друга “генералом”, было за что: Энгельс целый год проходил военную службу в Берлине, одновременно посещая лекции по философии в местном университете. Став после года срочной службы военным экспертом, заодно историком и философом, он теперь считал себя вправе давать оценки по всем вопросам, особенно о России, которую хорошо знал по карте. И вот итог его аналитической статьи: “Победа при Синопе не доставляет славы русским”.

А вот какой план действий он набросал в статье “Европейская война”, опубликованной после того, как англо-французский флот вошёл в Чёрное море в январе 1854 года. “Без сомнения, союзный флот способен разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии занять и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки горцам Кавказа. Нет ничего легче, если действовать быстро и энергично”. На воплощение этого плана в жизнь Энгельс выделил месяц.

Как говорил его друг Маркс, практика — критерий истины, вот английская, французская, турецкая и сардинская армии и проверили на практике, то есть в Крыму, каким экспертом был Энгельс. Оказалось — никудышным: не месяц, а 349 дней им потребовалось только для того, чтобы занять Южную сторону Севастополя, оставленную русской армией. Достигнутый результат стоил союзническим армиям, по разным оценкам, от 160 до 170 тысяч убитых, раненых и умерших от болезней. О “занятии и удержании” Крыма речь вообще не шла.

После завершения операции на Чёрном море эксперт Энгельс планировал отправить флот на Балтику и бомбардировать Кронштадт. “Необходимо любой ценой добиться союза со Швецией, если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путём высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключён только при условии воссоединения этой области со Швецией... Во что превратилась бы Россия без Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя, если бы Финляндия была освобождена, а неприятельская армия расположилась у ворот столицы и все русские реки и гавани оказались блокированными? Великан без рук, без глаз, которому больше ничего не остаётся, как пытаться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его набум то туда, то сюда, в зависимости от того, где зазвучит вражеский боевой клич”³⁶.

Такому калеке-великану, какой видится Россия Ф. Энгельсу, не нужно оставлять места даже в Азии. По сути, это план премьер-министра Британии

лорда Палмерстона, усилиями которого была развязана Восточная война. Энгельс лишь повторил его. Что можно добавить к оценке классика, труды которого изучало не одно поколение студентов России? Разве что рассказ французской газеты о Синопе, где повествуется об офицере эскадры Нахимова, который, взяв турецкий фрегат, дорубил оставшегося на нём единственного турка, отрезал кусок его мяса и съел. За что получил от императора орден. После прочтения таких газет за утренним чаем в воображении обывателя должен был вставать образ зловещей, кровожадной, отсталой и агрессивной России.

Справедливости ради отметим, что в этой общей вакханалии клеветы и травли Нахимова, которую развязали нечистоплотные журналисты, пусть негромко, но всё же звучали голоса английских моряков, призывающих объективно оценить сражение. “Часть русского флота держалась в море несколько дней в такую ужасную непогоду, в которую ни турки, ни австрийские пароходы... не смели показываться в море. Неужели эти русские матросы те самые трусливые новобранцы из евреев, о которых нам толковали? Боевой их порядок в деле удивительный... В продолжение часа одиннадцать кораблей были потоплены, подняты на воздух или сожжены. Такого совершенного истребления и в такое короткое время никогда ещё не бывало”³⁷.

Английские офицеры собирали в Синопе свидетельства и подробности битвы и не могли не выразить должной похвалы мастерству и решительности Нахимова.

В начале 1854 года в Севастополе получили письмо из монастыря, написал его богослов и духовный писатель о. Игнатий (Брянчанинов). В молодости святитель окончил Главное инженерное училище в Санкт-Петербурге, родители прочли ему военную карьеру, государь отличал его, однако после окончания училища он принял постриг и в 40-е годы был назначен настоятелем Сергиевской пустыни под Петербургом. Оттуда, из монастырской кельи, он внимательно следил за событиями Восточной войны, читал репортажи в газетах и журналах, переписывался с Н. Н. Муравьевым. Несоответствия такой любознательности своему сану и монашескому положению святитель совершенно не видел, ибо “всякому православному христианину свойственно желать всевозможных благ: во-первых, православному Отечеству, во-вторых — единоплеменным и всем православным народам, наконец, всему человечеству”, — рассуждал он в письмах.

Его суждения о происходящем на Кавказе и в Чёрном море сразу выдают в нём человека с военным образованием, Синоп он отметил как блистательную победу русского флота и не мог не написать Нахимову, хотя и не был знаком с ним лично.

“Милостивый государь Павел Степанович! Подвиг ваш, которым вы и сподвижники ваши с высоким самоотвержением подвизаетесь за Россию, обратил к вам сердца русских. Взоры всех устремлены на вас, все исполнены надежды, что сама судьба избрала вас для совершения дел, великих для Отечества, спасительных для православного востока. Не сочтите странным, что пишет вам русский, не имеющий чести лично быть знакомым с вами. Примите дружелюбно мои строки, примите присланную при них на благословение вам от обители Преподобного Сергия икону Святителя Митрофана Воронежского, новоявленного чудотворца. Пред этой иконой братство здешней обители отслужило молебен угоднику Божию и с нею присылает вам свои усердные молитвы о том, чтобы Святитель Митрофан содействовал вам к поруганию врагов...”³⁸.

Вот на какую высоту Брянчанинов поднял Синопскую победу — он её видел как победу над тяжким игом, под которым “стонет Православие Царегграда, порабождённого последователями Магомета”. Для православных конфликт о святых местах вовсе не был пустой формальностью и не сводился, как иногда пытаются изобразить, к спору о том, у кого будут храниться ключи от храма Гроба Господня и кто будет иметь право чинить на нём крышу. Нет, вопрос стоял так: либо за православным населением Османской империи сохраняется право на покровительство и помощь единоверной России, либо они лишаются этой возможности и навсегда остаются “райя” — скотом, как именовали христиан в Турции. И святитель напомнил об этом.

Получив письмо от о. Игнатия (Брянчанинова), имевшего высокий духовный авторитет ещё при жизни, Нахимов немедленно, среди забот о починке

кораблей и подготовке к войне, сел за ответ, точнее, принялся диктовать его Рейнеке.

“Ваше Преосвященство! Не нахожу слов для выражения глубокой признательности моей за внимание, оказанное вами лично мне и товарищам моим по службе письмом вашим от 1 февраля и за молитвы ваши о нас, и за благословение нас от вашей обители иконой Святого Митрофания Воронежского Чудотворца. Ходатайство Церкви перед Господом Богом об успехах оружия православного царя нашего подкрепляет дух наш и упование на всецельную святую помощь Господа в защиту Православия. Утешительные слова ваши тем глубже проникли в души наши, что получены во время приготовления нашего к принятию святых таинств. Исполнив этот священный долг христиан, каждый из нас с новыми силами готов вступить в рать драгоценного Отечества нашего. Икона святителя будет щитом нашим. Это изображение святого лика будет всегда спутником моим на море, и молитвы пред ним – утешением моим в час скорби.

Но простите, что и после такого внимания к нам осмеливаюсь, по общему желанию моих сослуживцев, ещё утруждать вас покорнейшею просьбою – молить Господа Бога об успокоении души бывшего начальника и благодетеля Черноморского флота, адмирала Михаила Петровича Лазарева. Его неусыпным трудом и попечениями обязаны мы настоящим воинственным состоянием кораблей и бодростью духа, способствовавших при помощи Божией выполнить повеление нашего царя. Его деятельность, его бескорыстное самоотвержение поныне руководит нами в служебной и частной жизни. Да успокоит Господь душу незабвенного адмирала Лазарева и позволит удержать силы наши...”³⁹.

Благодаря этому письму теперь мы знаем, перед каким образом возносил молитвы адмирал Нахимов, как причащался святых таинств Великим постом в 1854 году. Церковь Святителя Митрофания воздвигли в Севастополе уже после гибели Нахимова – в 1858 году, на Корабельной стороне. По форме она напоминала перевернутое днище корабля. В годы Великой Отечественной войны церковь была разрушена, от неё осталась лишь колокольня, в нынешнее время церковь возрождается на том же месте в новом здании.

В феврале или марте Нахимов получил ещё одно письмо от неизвестного ему адресата⁴⁰: “Великий адмирал, победитель при Синопе! Посылаю тебе снимок с чудотворной иконы великого угодника Божия Николая Чудотворца. Прикажи с того великого угодника снять две иконы точно так, как здесь изображено: одну – маленькую, которую носи на груди, а другую – большую и, освятивши их, отслужи молебен и поставь большую икону на корабле и со всеми тебе подчинёнными молись с верою этому великому угоднику. Он даст тебе силу и крепость, и победу над врага рода христианского. Без него ни твой ум, ни твоя храбрость ни защитят тебя. Этот угодник Божий творил и творит великия чудеса на море и на суше, спасал утопавших, воскрешал их, укрощал бури и ветры морския, ходил по морю, как по суще, как делал наш Спаситель. Сей великий угодник Божий избран Самим Богом для утверждения Церкви Христовой заступником и утешителем всех скорбящих, молись ему с верою, и он спасёт вас всех, ибо его молитва велика у престола Божия. Он с вами и вы с ним, да никто же из вас не отчаивайтесь. Господь Бог сильнее всех, и силу Свою Он явит вам чрез Своего угодника”.

Если бы такое письмо получил мичман Нахимов, то, наверное, усмехнулся бы и убрал в дальний угол, а то и вовсе выбросил. Теперь, на склоне лет, всё виделось яснее и проще.

Во время Синопского сражения Нахимову был 51 год, в этом возрасте человек, если он склонен к осмыслению происходящего, думает о том, что уже большая часть его земной жизни миновала, и поневоле размышляет о жизни вечной. Нахимов просил Рейнеке заказать эти две иконы: одну, большую – для корабля, и маленький образок у золотых дел мастера – для себя. “Я бы носил его на груди, а большой грудной образ, не напишешь ли к Стодольскому, чтоб приказал в Суздале с этого рисунка снять копию и прислал бы сюда”. Рейнеке думал послать рисунок в Феодосию к Айвазовскому, чтобы тот написал большую икону. Кто взялся за эту работу, установить не удалось, но она была выполнена, большой образ написали и прислали в Севастополь с почтой в июле 1854 года.

Что касается маленького образка, то о нём Нахимов просил особенно настойчиво, и вот почему: “... любезный Миша, если золотых дел мастер не

возьмётся сделать образок, то купи мне в лавках с изображением Николая Чудотворца, освятить его и пришли мне. Совестно признаться, а у меня ни крестика, ни образка нет на груди!!!” Что тут сказать? Три восклицательных знака говорят сами за себя: как говорится, лучше поздно, чем никогда. Племянник Нахимова, который был в Севастополе, сообщил Рейнеке: “Заветный образок Св. Чудотворца Николая он носит на груди постоянно”⁴¹. Значит, и эту просьбу “любезный друг Мишустя” выполнил.

В те дни Нахимов на берег не съезжал, жил на корабле и болел, да так тяжело, что, по собственному признанию, не вставал с дивана и, кроме лекарств, ничего не мог проглотить. Он простудился, когда делал смотр кораблям, и состояние их нашёл после Синопа плохим, и сам заболел. И потому просьбу своего занятого и больного друга Рейнеке выполнил, а вслед за ней и ещё одну.

“Мне хотелось бы отдать военный приказ по эскадре, — писал Нахимов 24 марта 1854 года, — в котором высказать в кратких и веских словах, что это война священная, что я уверен, что каждый из подчинённых горит нетерпением сразиться с защитниками Магомеда — врагами Православия, что павшего в бою ожидает бессмертие, за которое будет молиться Церковь и всё Православие, победившего — вечная слава и, наконец, самые летописи скажут потомкам нашим, кто были защитники Православия! Но как ни бьюсь, не могу сказать, ничего у меня не выходит. Потрудись, дружок! Если ты здоров и в духе, составь мне приказ. Ты этим большое бремя снимешь с меня”.

Одно письмо — митрополиту Агафангелу — он всё же написал сам и приложил список имён убитых и умерших от ран “для принесения молитвы о душах их”. Другой список был с именами раненых и покалеченных в Синопском бою. Адьютант Нахимова вспоминал, как во время Севастопольской обороны каждый раз, проезжая мимо Михайловской церкви, куда приносили на отпевание убитых с ближайших бастионов, “Нахимов давал деньги, чтобы поставить к каждому убитому по три свечи, как это обыкновенно делается, и часто приезжал в эту церковь на панихиды; такие поездки требовали, можно сказать, самоотвержения, так как делались под неприятельскими штуцерными пулями”⁴².

В память о Синопском сражении моряки ежегодно 18 ноября устраивали в Севастополе обед, на который собирались офицеры, служившие под командованием Нахимова. В 1886 году часть Морской улицы назвали именем Нахимова. Через 45 лет после Синопского сражения, 18 ноября 1898 года, в Севастополе открыли и освятили в присутствии императора памятник Нахимову (авт. А. А. Бильдерлинг и И. Н. Шредер) на площади перед Морским собранием. К сожалению, в годы Советской власти его постигла участь всех памятников “царским генералам”: он был снят, на его место водрузили памятник Ленину.

После Великой Отечественной войны памятник Нахимову был отлит вновь и установлен в 1959 году на том же месте (авт. Н. В. Томский и А. В. Арефьев), только теперь он смотрит не на море и Графскую пристань, как раньше, а обращён лицом к городу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из письма Лазарева А. И. Веревкину. / Лазарев М. П. Документы. М., 1961. Т. 3. С. 230–231.

² Шершов А. П. История военного кораблестроения. СПб, 1994.

³ РГАВМФ — Ф. 315, оп. 1, д. 101. Л. 38–42.

⁴ Зайончковский А. М. Восточная война. 1853–1856. Т. 1. СПб, 2002. С. 550–551.

⁵ Письмо Нахимова Рейнеке. / Нахимов П. С. Документы и материалы. СПб, 2003. Т. 2. С. 26.

⁶ Предписание командования Черноморским флотом П. С. Нахимову. / Нахимов П. С. Документы и материалы. Т.1. СПб, 2003. С. 255 — 256.

⁷ Приказ Нахимова. / Нахимов. Т. 1. С. 259–260.

⁸ Палеолог В. Д. Плавание брига “Язон”. // Морской сборник. 1854. № 3.

⁹ Богданович Е. В. Наварин. М., 1877. Приложение. С. 70.

- ¹⁰ Сатин А. Синоп. Из записок Черноморского офицера. // Русский вестник. 1872. № 8. С. 771–782.
- ¹¹ Тотлебен Э. И. Описание обороны Севастополя. Ч. 1. Кн. 1. М., 2017. С. 80.
- ¹² Письмо Корнилова Нахимову. / Нахимов. Т. 1. С. 261–262.
- ¹³ Предписание Корнилова. / Нахимов. Т. 1. С. 260–261.
- ¹⁴ Предписание. / Нахимов. Т. 1. С. 262.
- ¹⁵ Письмо Корнилова. / Нахимов. Т. 1. С. 263.
- ¹⁶ Морской сборник. 1854. № 3.
- ¹⁷ Письмо Корнилова брату Александру Алексеевичу. / Вице-адмирал Корнилов. М., 1947. С. 205.
- ¹⁸ Рапорт Нахимова Станюковичу. / Нахимов. Т. 1. С. 274.
- ¹⁹ Палеолог В. Д. Плавание брига “Язон”. // Морской сборник. 1854. № 3.
- ²⁰ Сравнительная таблица судов, сражавшихся на Синопском рейде 18 ноября 1853 года. / Нахимов. Т. 1. С. 308–309.
- ²¹ Приказ Нахимова. / Нахимов. Т. 1. С. 267–268.
- ²² Предписание Меншикова. / Нахимов. Т. 1. С. 278.
- ²³ Мазунин Н. П. Адмирал П. С. Нахимов. М., 1952. С. 20.; А. Кухарук. Мнимый больной // Родина. № 3–4. 1995. С. 22.
- ²⁴ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 704. Л. 5–26.
- ²⁵ Рапорт Нахимова Меншикову от 29 ноября 1853 года. / Нахимов. М., 1954. С. 321–326.
- ²⁶ Сатин А. Синоп... С. 775.
- ²⁷ Сокальский Н. // Современник. 1856. № 3.
- ²⁸ Вышеславский А. Севастополь в последние месяцы осады. (Из записок медика). // Морской сборник. 1860. кн. 20, № 2, С. 62–64.
- ²⁹ Воспоминания кн. Барятинского. // Русский архив. 1905. № 1. С. 98–104.
- ³⁰ Крашенинников С. Замечания на статью “Из записок севастопольца”. // Морской сборник. 1868. № 2.
- ³¹ Пасецкий В. М. Михаил Францевич Рейнеке. М., 1978. С. 117.
- ³² Письмо генерал-майора Рейнеке. / Нахимов. Т. 1. С. 350–351.
- ³³ Тарле Е. Крымская война. М.–Л., 1950. Т. 1. С. 401.
- ³⁴ Шестаков И. Обзор действий на море в течение настоящей войны. // Морской сборник. 1855. № 2.
- ³⁵ В собрание сочинений она вошла под названием “Ход турецкой войны”. / Маркс и Энгельс. Собр. соч., изд. 2-е. М., 1958. Т. 9.
- ³⁶ Там же. Европейская война. Т. 10.
- ³⁷ Сообщения газет цит. по: Материалы для истории Крымской войны. Под ред. Н. Дубровина. СПб, 1871. Вып. 1. С. 199–200; Шестаков И. Обзор действий на море в течение настоящей войны. // Морской сборник. 1855. № 2.
- ³⁸ Письмо настоятеля Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия (Брянчанинова). / Нахимов. Документы. Т. 2. С. 13–14.
- ³⁹ Ответ Игнатию (Брянчанинову). / Нахимов. Документы. Т. 2. С. 331.
- ⁴⁰ Текст письма цитируем по дневнику Рейнеке. / Нахимов. Т. 2. С. 35.
- ⁴¹ Нахимов. Т. 2 С. 95.
- ⁴² Воспоминания Шкота. / Нахимов. Т. 2. С. 288.